

Рашида
Стижеева

СУМЕРКИ

Рано утром тётка Дарья постучала в окно, а затем и в двери, нетерпеливым частым стуком. Мария, уже не спавшая, кинулась, спотыкаясь в темных утренних сумерках, в холодные сени.

– Гошка твой помер, будь он неладен... допился, родимец...

Мария от услышанного только нахмурилась и молча кивнула.

Квартирная хозяйка Антонида проснулась от стука и села, свесив ноги на своей широкой кровати. Она позёвывала и расчёсывала редкие волосы большим гнутым гребешком. На скрип двери повернулась всем телом и сквозь зевоту спросила, чего случилось. Мишка тоже проснулся, но ещё лежал, укрывшись одеялом под самый подбородок.

Мария хозяйке не ответила, лишь слегка дёрнулось её плечо, как будто отгоняя назойливую муху. Она тихо обратилась к сыну:

– Вставай, сынок! Папка наш умер...

– Как это? – не понял Мишка, приподнявшись на подушке, но тотчас отбросил одеяло и принялся одеваться, путаясь в рукавах и пуговицах.

– Царствие небесно... – Антонида широко перекрестилась и продолжила с тем же интересом: – Когда успел-то? Ночью?

Мария не ответила и на этот раз, только губы сложились в прямую линию. Пока сын гремел умывальником, поставила чайник на примус, следом завела манную кашу на сухом молоке. Накормила Мишку, себе сунула в рот ложку той же безвкусной каши и вместе вышли из большого, окончательно остывшего за ночь хозяйского дома.

По дороге говорила чётко, деловито, давая сыну указания на весь день. Мишка настроенно помалкивал. Возле школы протянула знакомый ключ, даже тесьма та же – линияло-синяя:

– Всё, сын! Я к себе в больницу, а ты давай... До вечера! И посмотри там, протопить бы, наверно, надо...

После второго урока Мишка отпросился домой, сославшись на живот. Хитрил, конечно, слёзы предательски набегали, и он просто боялся по-девчоночьи расплакаться при всех. Обычный февральский день в Тюмени – тихий, сумеречный, серый. Возле старого моста через Туру он завернул за угол на улицу Щербакова. Дверь в подъезд двухэтажного деревянного барака никогда не закрывалась. Он поднялся по скрипучей деревянной лестнице, прошёл по общему коридору и подошёл к знакомой двери с повисшими лоскутами дерматина и выдранными ключьями серой ваты. Открыл её и вошёл домой.

Всё было так, как они жили втроём: сын Миша, мама Мария и папа Гоша. Дом, громко именуемый квартирой, представлял собой большое помещение, перегородженное на две неравные части: кухню с печкой и комнату. Мишка разулся в крохотной передней, прошёл через кухню и встал на пороге комнаты. Вещи те же и мебель та же... даже новомодное кресло на тонких ножках, купленное на мамкины премиальные, в том же углу, только такого беспорядка Мишка не помнил никогда. Мария всегда наводила дома такой же больничный порядок и стерильную чистоту, как у себя в отделении. Гошка в дни больших пьянок не допускался домой вовсе и ночевал в дровяном сарае – это когда погода позволяла, а если морозы – тогда под дверь. Там же кричал и ссорился с соседями, а устав, засыпал под дверьми, как пёс подзаборный.

Миша осмотрелся. Дюмотканые половички сдвинуты под стол, на столе множество бутылок, везде блюдца с окурками. Окна задёрнуты шторами, а высокая широкая кровать, мамкина гордость, разобрана и смята.

Он немного постоял, затем скинул ранец, полушубок и принялся за уборку. Пока выносил мусор и таскал воду из колонки, в коридор вышла тётка Дарья. Постояла, посмотрела на Мишкины хлопоты, повздыхала, потом молча принесла дрова, а на кухонный стол поставила миску с пирогами. Пока мальчишка бегал вверх-вниз, затопила печь. Ещё раз сходила за дровами и, убедившись, что печка разогрелась, ушла, неслышно закрыв за собой дверь.

Мишка с уборкой управился быстро и проверил огонь в печи. К девяти годам мамка его всему научила, вот только с примусом пока не умеет... Закончил домашние дела, взял остывший пирог и, усевшись с ногами в хлипкое кресло, принялся жевать. Сумерки становились гуще, плотнее, хотя время ещё только перевалило за полдень. Ел медленно, без аппетита, и успокаивался. В доме тепло. Ветер высвистывал что-то монотонно-грустное...

* * *

Отец с матерью развелись полгода назад, но это официально. Ещё раньше, за три месяца до этого, Мария собрала объёмный чемодан, взяла сына за руку и ушла от мужа, сняв угол в доме вдовой Антонида.

Они и раньше-то жили беспокойно. Десять лет назад Мария удивила свою татарскую родню неожиданным выбором – вышла замуж, когда за тридцать пять перевалило, да за кого?! За непутёвого красавца Георгия Сидорова.

На чем держался этот неравный брак? Врач детской инфекционной больницы и механик судоремонтного завода. Мария – сама серьёзность и Гошино беспутство последней стадии. По крайней мере, родня и соседи все держали сторону Марии, жалея её.

Миша ходил в третий класс, учился без должного желания – так говорила классный руководитель на родительском собрании. Хотя какое-такое желание учиться должно быть у рядового школьника? Гнев родительский – вот основной двигатель учебного процесса! Мишка домашние уроки делал сам, редко когда мамка помогала. А вот у доски чаще всего немел, смотрел тусклыми глазами на учительницу и отвечал невпопад.

В начале лета Гошка в очередной раз запил, мамка скандалила, и в результате... вот – топчан в чужом доме, напротив хозяйской кровати. С разводом Гоша смириться не мог. Раз в неделю ходил к дому Антонида, грозился выбить окна, орал непотребное на всю улицу. Хозяйка, скучавшая от тихой жизни до появления постояльцев, таким образом очень развлекалась. Так что, если Мария после «показательных выступлений» мрачнела и замыкалась, то Антонида наоборот – веселела. Такое вот бесплатное кино!

Ещё малышом Миша смутно помнил какой-то прокуренный, загустевший от мата и курева подвал – пивнушку, куда Гоша привёл сына напрямик из детского сада. Миша сидел послушно, дышал перегаром и папиросным дымом, слушал пьяные бредни отца и его собутыльников, пока мамка не прибежала. Крику было! Мамка даже плакала.

Помимо пьянок были, конечно, романы, самые разные. Гоша был ярким брюнетом с северными прохладными глазами и длинными ресницами-опахалами. Волосы со лба откинет, роскошными глазищами поведёт, взгляд на мгновение остановит – ему и подмигивать не нужно, женщины липли целым роєм.

С большого опьянения Гоша дрался. Тогда-то и поднималась со дна вся его мутная щербатая душа. Доставалось его же многочисленным дружкам. Гонял по двору с отчаянной страстью, сшибая с ног кулаками и брызгая площадным матом в радиусе километра. Наутро ничего не помнил! Но буквально через день-два друзья вновь стягивались вокруг него и его тёмного притягательного обаяния. Отряхнутся от его мата и угроз – и снова Гоша в центре внимания.

Сына он любил самозабвенно и драматично. Никогда не трогал, не ругал. Дежурно спрашивал про оценки, выслушав краткий отчёт об успеваемости, удовлетворённо кивал. Иногда, проспавшись с похмелюги и еле ворочая языком, наставлял его:

– Ты это... если кто обижает... того... говори. Я разберусь.

Миша и в мыслях не допускал такой отцовской заботы. Да и кто его обижать надумает? В округе все знают сумасшедший Гошкин характер. Лишь однажды, как раз в начале этого лета, приключилась с ним история. К окончанию второго класса Гоша подарил сыну давно обещанный велосипед. Новенький велосипед, блестящий от звонка до багажника на заднем колесе, был похож на молодого резвого жеребёнка. Мишкиной радости не было предела. Выкатился во двор и давай наяривать по всей заречной стороне. Сам накатался до одури и дал покататься дворовым друганам. Так вот эти друзья и пошутили. Угнали двухколёсный подарок в неизвестном направлении. Мишка орал благим матом и бегал растерянно по улице взад-вперёд. Гоша, разбуженный после ночной смены, скатился со второго этажа. Белый от бешенства, схватил одной рукой сына за ворот и волок его по улице с воплями: кто? где? Другой же рукой колотил его куда ни попадя. Крик, рёв, мат – вся улица была свидетелем их семейной драмы. Когда хватка ослабла, сын выскользнул из отцовской руки, добежал до дровяного сарая, заперся там и долго не мог успокоиться, оплакивая обиду на Гошку и предательство товарищей.

Переживать случившееся Мишка ушёл к бабе с дедом на улицу Мичурина. Там два дня раны зализывал. Бабушка Нагима его жалела, по голове гладила, вкусным кормила. Дед Назар в сторону Гошки гневно кулаками тряс, обещая разобраться с ним за внука. Сочувствующих сородичей было навалом. Только старший двоюродный брат Камиль с другом Степаном, таким же зареченским хохмачом, выслушав жалостливую Мишкину историю, весело подытожил:

– Старший Сидоров драл младшего Сидорова, как... сидорову козу... – но в тот же миг получил от деда затрещину, а дружок же успел мгновенно исчезнуть, хлопнув дверью. Все знали, у одноногого деда Назара рука тяжёлая.

Мария с трудом пережила это событие. К слову сказать, велосипед вернули на следующее утро, просто оставили возле дверей барака. Теперь двухколёсный «Орлёнок» понуро стоял в их сарайке, Мишка, видя в нем причину своего большого горя, к двухколёсному другу временно охладел.

Видимо, между родителями состоялся разговор, после чего Гошка запил в очередной раз. Что уж там говорила строгая Мария, неизвестно, но Гоша и на трезвую, и на пьяную голову ни в чём её не обвинял, потому как побаивался жены. Только,

напившись, сквернословил и угрюмо грозил, опять же не ей, а кому-то, подняв вверх худой костлявый кулак, отсылая тому, неизвестному, свой грязный словесный поток. Тот, неизвестный, должен был услышать и непременно повлиять на жену Марию. Наверное, она должна одуматься, стать кроткой и послушной – такое было мироустройство у Георгия Сидорова.

После всех этих безадресных посланий Гоша успокоился, а Мария, молча, к удивлению сына, крутила крупные дули в сторону мужа. Всё это проходило, видимо, на уровне сильного душевного контакта, раз понимали друг друга без дополнительных слов и пояснений.

...Мишка вздохнул. Пирог кончился, а вставать за следующим было неохота. За окном протяжно высвистывало, пошёл снег. Ветер разгулялся, и снегопад яростно закружил, заплясал. Метель пригоршнями залепляла деревянные рамы и запотевшие стекла. В комнате стало сонливо темно. Мишка положил руку на подлокотник кресла и склонил голову.

* * *

К родителям Мария возвращаться не собиралась. Через главного врача, буквально на следующий же день, нашла жильё. Был у детской инфекционной больницы договор с некой гражданкой Кукиной, владелицей части большого дома, на предмет сдачи койко-мест для сотрудинок. Хотя комнаты были заселены, но договор есть договор, и гражданка Кукина согласилась в тот же час выделить новым постояльцам угол в своей комнате.

Антонида Спиридоновна – так представилась квартирная хозяйка – предоставила им топчан с матрацем, две полки в платяном шкафу, два стула, часть большого круглого столового стола, полку на кухне, кухонную маленькую тумбочку и примус.

Особняк, в котором теперь жила Мария с сыном, был построен ещё до революции родственником Антонида – местным тюменским купцом и внешне выглядел очень солидно. Внутри дом был светлый, с высоким потолком, широким полукруглым коридором, чуланом, отдельной кухней с огромной печью. Протопить эту печь было весьма затратное дело, дров сжирала немерено. Оттого-то оставшиеся за гражданкой Кукиной три комнаты плохо протапливались, и зимой приходилось тепло одеваться.

В самой большой комнате жила сама домовладелица. Сюда-то, на топчан с видом на собственное лежбище, и пустила она бедную татарскую женщину с мальчиком. В остальных комнатах, меньших размеров, попарно жили разные жильцы. В одной, ближе к хозяйской, квартировали старые «девушки» Лидочка и Зинаида – библиотекарши, давно прибывшие из мест весьма отдалённых, да так и застрявшие в столице западной Сибири. Обе худые, сутулые, с седыми пучками волос на затылке. Дальше по коридору, почти у входной двери – две девчонки из татарской деревни, студентки-первокурсницы педагогического училища: мелкая Алька с длинной косой и серьёзная Расима в круглых очках.

Антонида обыкновенно находилась полусидя на кровати, подложив под спину две подушки, и наблюдала за жильцами. Кровать у неё была богатейшая! Широкая, по бокам блестящие никелированные изголовья с шашечками и вышитыми занавесками, с множеством подушечек и расшитым покрывалом. Понизу кровати выглядывали белейшие накрахмаленные подзоры. В комнате не переставая звучало радио, звук то становился тише, то походил на громкоговоритель, особенно когда передавали последние новости.

Разгорающееся лето принесло Мишке массу впечатлений. Летом жизнь всегда огромна и разнообразна. Наряду с повсеместными «ножичками» и «штандерами»

или дурацкими «чижиками» освоили игру в войнушку с новыми правилами. Так что в неё-то и гоняли целыми днями до одури. Оттого размовку родителей не особо почувствовал. Вернее сказать – не поверил, надеялся, что к осени они с мамкой вернутся домой.

В конце июня отец, протрезвев по некоторым причинам, и от развода в том числе, позвал Мишку на рыбалку. Мария упиралась, не хотела отпускать сына, но сдалась, увидев, как горят Мишкины глаза.

Собирались серьёзно и тщательно. Поехали с отцовыми друзьями в сторону Андреевского озера, даже немного дальше. Рыба ловилась хорошо, и пилося рыбаками весьма умеренно – только вечером, в качестве согревательного.

Три дня Мишка провёл рядом с отцом и был счастлив. По ночам, в палатке, спали обнявшись. Он и сейчас помнил мелкие, но такие тёплые подробности: ночные тишайшие разговоры перед самым сном, хриловатый голос отца, идущий прямо из груди, запах застарелого перегара, дыхание-похрапывание, утренние осторожные побудки: вставай!

Ещё были поездки на велосипеде – это в тот же месяц, когда отец поднял голову от бутылки. Гоша впереди, Мишка сзади на багажнике. Хоть поездки недалёкие, до улицы Мичурина и обратно, но всё равно вместе, вместе! Пару раз в кино ходили. Первый раз на мультики. Валились от смеха над волком и зайцем из «Ну, погоди!». Второй фильм был французский – про любовь. Гошка был в тот раз «в ударе», в том числе и в лёгком подпитии. Отпускал искрящие шуточки, особенно когда там всякие поцелуи, сцены раздевания, всякое такое. После сеанса их поджидала мама, прямо возле кинотеатра, и разговор между ними состоялся тут же.

Короче, досталось Гошке от мамки увесистой рукой по его красивой бесстыжей физиономии за эту французскую любовь.

– Во дурак! Зарека ж – большая деревня! Ладно бы в городе где... – услышал Миша брошенное родным дядей Мишей в тот же вечер в доме деда.

Из шумного обсуждения родственниками случившегося Мишка сообразил, что у отца там свидание было. Он и не заметил, что с другой стороны отца сидела барышня, кому и предназначался весь тот фонтан остроумия.

Помимо всего прочего, лето наполнилось другими разными впечатлениями. Раз ездил шишковать с Камилем, Степаном и его младшим братом, шестнадцатилетним Колюней. У Камиля со Степаном была большая деревянная стукалка. Те крепко били ею по дереву, и с неё градом сыпались шишки. Мишка и Колюня собирали шишки за ними в мешки, только успевай. Дальше переходили к другой, затем третьей, и так по поляне. К вечеру все сильно устали, но надо было перетаскать мешки в салон пазика. Пока младшие вязали мешки и укладывали их, Камиль со Степаном напились, тут же, у последней сосны. Пришлось их тащить, как те мешки, до кучи. Колюня, несмотря на молодость, на все руки мастер: и с мешками управлялся, и за мертвецки пьяным братом присматривал, и микроавтобус водил. Мишке всё понравилось, даже то, что пришлось повозиться с пьяным старшим братом, было как весёлое приключение.

Была ещё поездка, растянувшаяся на две недели, в гости в татарское село Чикча. Дядя Миша привез тёзку-племянника к дедовой сестре Римме. Родственники хорошо его принимали. Кормили-поили, на мягкую перину спать укладывали. Брали на озеро купаться-загорать.

В конце лета вернулся в город и в первый же день встретил отца. Деду пришлось несколько раз громко звать внука, который истошно вопил, играя в войнушку, доказывая убитому, что так нечестно. Мишка недовольно оглянулся на

деда и вдруг увидел отца. Сердце ёкнуло. Гоша на всякий случай стоял подальше от Назара. Весь какой-то... не такой! Костюм новый тёмный в тонкую полоску, трезвый, выбритый до синевы, причёсанный волос к волоску, как в тот раз в суде, где разводились. Мишка смотрел, смотрел, и почему-то стало так жалко отца, до слёз.

– Папка! – он обнял его и почувствовал, как отец похудел, стал каким-то мелкостным. – Ты чего пришёл?

Мишка был растерян. Притихла и его военная компания за спиной.

– Отец тебе не родня, что ли? Вот, захотел тебя увидеть. Имею право.

Мишка радостно закивал – конечно! Только отчего-то было так тревожно. Тут же, под дедовым надзором поговорив, и простились. Договорились в кино сходить, но оказалось, это была их последняя встреча.

Когда наступили холода, Мишка проводил вечера у друзей или принимался осваивать другие жилые помещения бывшего купеческого особняка. Завязал дружбу с Алькой, она всего-то на шесть лет старше. Играли в прятки, бегали наперегонки по длинному коридору.

Но больше всех Мишка любил ходить в гости к «девушкам». Лидочка пила очень крепкий чай, тянула из большой чашки весь вечер, а Зинаида раскладывала пасьянс.

Руки у Зинаиды были на редкость некрасивыми. Кисти узкие, тёмные, со вздутыми венами, пальцы кривые, узловатые. Этими вот руками она творила чудеса с атласными картами – так казалось Мишке. То сложит стопочкой, то раскинет веером, а то начнёт перебрасывать из рук в руки, как заправский фокусник.

– Ну те-с, молодой человек, желаете сыграть? – Зинаида щурила глаз, выпускала колечки папиросного дыма, но на Мишку не смотрела, а смотрела на потёртую скатерть, где был разложен пасьянс «Паук».

А молодой человек желал. Желал всё! И сыграть, и пасьянс разложить. Но трусил. И поэтому быстро убежал в свою скучную, с пышной хозяйской кроватью и вечно звучащей радиоточкой комнату, тем более что вскоре приходила с дежурства мамка.

Сначала играть в дурака Мишку учила Зиночка. Мишка собирал лоб гармошкой, раздумывал. Конечно, видел, как взрослые играли, но сам-то карт в руки не брал. И вот случилось!

– Мишенька, дружочек, послушайте меня... Зиночка, позволь мне? – это уже вступала Лидочка. Отставила кружку с тёмным, как мазут, чаем и тянулась навстречу Мише.

– Это пики. Видите, они сердечком вверх и заострённые. Запомните? Так, дальше, это черви. Сердечки такие, концом вниз. Хорошо. Бубны – ромбики такие, прекрасно! Ну и трефы – эдакий цветочек на палочке. Зиночка, я тебя поздравляю! У нас в гостях одарённый ребёнок. Прощу, Михаил! Партию игры составите?

Он составил. Играли весь вечер. Забыл про мамкин наказ лечь самостоятельно в девять часов в постель, отмахнулся и на Алькин призыв побегать. Очнулся, когда в дверях стояла, сердито колыхаясь, Антонида – всё, спать!

Слова: покер, преферанс, бридж всё время летели из приоткрытой двери соседок. Но с ним играли только в «дурака», «на копеечку». Здесь Миша делал успехи поразительные, к концу вечера важно звенел мелочью в карманах. Зинаида озадаченно дымила всё больше. Лидочка смеялась всё громче, грея при этом ладони об кружку очередного чифирия. Он делал намёки, что хочет обучиться разному карточному ремеслу, но ему вежливо отказывали. Чем чаще Мария брала ночные дежурства, тем успешней продвигалось порочное воспитание её сына.

В конце четверти образовались двойки. Мария схватилась за голову. Как? Влетело до кучи даже Антониде. Та только руками развела – я-то тут при чём?! Плотнее закрыла дверь и выдала Марии про этих самых «девушек», а именно про какие-то смерть ребёночка и мужа, аресты, ссылки, теперь, правда, оправдали, сама документ видела. Мишка ничего не понял и тут же забыл.

Мария с Антонидой не церемонилась. Общалась так, как у себя в отделении. С сыном была ласковой. В свободные от дежурств вечера читала ему книжку или водила к родителям на Мичурина. Относительно учёбы была очень строга. Мишке пришлось засесть за учёбу под бдительным хозяйским надзором. Проверяли дневник каждый вечер по очереди то мамка, то повеселевшая Антониде. На улицу не пускали совсем.

Жизнь была удивительно серой и скучной. Вся она была женской. Состояла из одних женщин. Нет, конечно, в Мишкиной жизни были взрослые мужчины: дед, дядя, среди них любимый дядя Миша, брат Камиль, где-то совсем далеко – вечно пьяный отец, но сейчас рядом одни тётки – и дома, и в школе. Старые и не очень, молодые и юные. Они были хозяйками жизни. Управляли, руководили, присматривали, опекали.

Мишка, как ни странно, скучал по Гоше. С ним было беспокойно, но не скучно. Вот именно теперь, как казалось сыну, он понял бунтующую отцову натуру, его взрывоопасный характер, со всеми подводными питающими источниками.

Несколько раз Мишка после школы приходил в барак. Поднимался, подходил к двери, но зайти не осмеливался. За дверьми слышалось то бьющееся об дверной косяк безудержное веселье, с обязательным женским хохотом и визгом, то тишина, ещё более пугающая.

Оценки он исправил, не на пятёрки, конечно. В новогодние каникулы ездили с Камилем в лес за ёлкой. Впечатлений никаких. Снег по пояс, холод собачий. Срубили первую попавшуюся ёлку и положили в кабину машины. Каникулы провел у деда с бабушкой, всё ж не с чужими тётками. Мамка всё работала и работала, иногда сутками.

– Итак, пасьянс «Косынка». – Лидочка оставляет свою чашку и начинает ходить за спиной у Зинаиды. – Или играем в подкидного дурака?

Это уже после всех исправленных оценок, даже за поведение, неоднократно помытых полов в коридоре и местах общего пользования под предательское хихиканье Альки. Мишка вновь в гостях у «девушек». Жизнь наладилась и в школе, и дома. Теперь он носил колоду карт, подарок Зинаиды, в школу. Играл на переменах. Стал, между прочим, чемпионом. Владел мелким капиталом, разросся связями в старших классах и авторитетно раздался в масштабах школы.

* * *

Короткий зимний день подходил к концу. Свет за окном, и без того тягуческучный, стал меркнуть и лиловеть, а затем и вовсе сгустился в темно-фиолетовый кисель. В животе что-то давило, потом поднималось в горло и там скребло и царапало. Голова нестерпимо болела. Мишке становилось всё хуже и страшнее. Когда только мамка придёт?

Наконец входная дверь распахнулась и впустила целую толпу людей, суетно копошащихся. Внесли гроб. Комната наполнилась тихим гулом и запахом мокрой одежды. Весь наведённый Мишкой порядок мгновенно расстроился. Гроб поставили на два табурета, и все отошли, замолчали. Теперь возле него двигалась только мамка, что-то поправляя, оглаживая. Гоша лежал на празднично белой

подкладке гроба и сам был весь торжественный, в том самом тёмном костюме и светлой рубашке.

Соседи, постояв, выходили-заходили. Заносили и рассаживались на стульях и табуретах. Говорили шёпотом, никто не плакал. Мишку подвинули ближе к гробу. Он слышал слова: онкология, умирал, тромб, загубленная жизнь... но слова звучали будто по-китайски.

У Мишки теперь жгло в глазах, в затылке. Он смотрел на усопшего – чужого, жёлтого, высохшего человека с повязкой на голове и не узнавал весёлого Гошу. Казалось, родному отцу слишком бело и очень свободно в гробу.

Чей-то женский голос выделялся. Говорила негромко, но отчётливо и возмущённо, и вдруг заговорила во весь голос:

– А что и скажу! Лежишь вот тут, Георгий Михайлович, успокоился! Всех достал, жену с сыном выгнал... теперь лежишь, отдыхаешь?! – На неё шикали, пытаюсь успокоить, остановить, но голос перешёл на крик: – Так и знай, никто про тебя доброго слова не скажет! Никому ты не мил... А что Мария?! – видимо, одёрнули, напомнив про вдову. – Кровушки попил будь здоров! От хорошей жизни Мария Назаровна в две-три смены пашет и чужие углы снимает? Да не дёргайте вы меня...

Здесь у Мишки что-то лопнуло внутри, его вырвало прямо под ноги. Взрослые подскочили, задвигали стульями, засуетились, разом заговорили. А он, всё еще пугая окружающих, громко, во весь голос, не таясь, заплакал и крикнул, освобождаясь от страха и боли, заваливаясь в подхваченные руки в обморок:

– Папка! Папка мой!

* * *

Жизнь продолжалась. Мать с сыном вернулись обратно в свой барак. Мишка ходил в школу, после учёбы занимался домашним хозяйством. В свободное время азартно играл в карты, обыгрывая всех в округе, и теперь его карман позвякивал не только медью, но и «серебром». Продлилось это недолго. Однажды дядя Миша, наслышанный про успехи племянничка, проявил интерес к его победам, уговорился с ним сыграть, но не на деньги, а на честное слово, что если Мишка проиграет, то завяжет с этим делом. Мишка согласился и с позором проиграл три раза подряд. Даже заплакал, но уговор есть уговор.

Следующее лето наступило как всегда, по расписанию. Мишка на каникулах ушёл в дом деда. Набегавшись за день по улицам, наоравшись в играх, накатавшись на своём «Орлёнке», он падал в постель, забывая про ужин, чтобы назавтра с утра снова крутить бесконечное колесо восхитительной летней свободы. Но иногда, перед сном, в маленькой щёлке между ослепительным днём и обморочно-пропащей ночью, Мишка вдруг затихал, хмурился, будто набегали лёгкие сумерки, и тихо-тихо, сладко так, беззвучно плакал в подушку, шепча заплетающимся языком:

– Папка! А, папка...

